VISIT…

LANZAROTE Caliente.com

Михаил ЛУКАШЕВ

Родиться в царской тюрьме, чтобы умереть в сталинской

опубликовано в "Боевое искусство планеты" N7/97

Наша пресса очень много писала о том, как в былые времена "единодушному и гневному осуждению партии и широких масс трудящихся" подвергались "безыдейные" произведения известнейших литераторов: Зощенко, Ахматовой, Пастернака. Но вот, чтобы высочайший партийный гнев мог обрушиться на скромную, чисто спортивную книжку - трудновато даже вообразить. И все же, как госорится, такой случай имел место. Не поймите превратно: у меня и в помине нет глупой мысли поставить себя в один ряд с названными корифеями высокой литературы. Однако же подобное трагикомическое происшествие случилось именно со мной, когда в 1982 году вышла в свет моя книга "Десять тысяч путей к победе". А в ней я впервые смог приоткрыть покров тайны над механизмом фабрикации прочно утвердившегося и официально одобренного мифа о создании самбо А.А.Харлампиевым. И прямо назвал создателем этой замечательной борьбы и самозащиты его неблагодарно забытого учителя, репрессированного в 1937 году В.С.Ощепкова. Вот тогда-то высокоидейные доносчики немедленно настрочили верноподданическую жалобу и не куда-нибудь, а на самый верх - в ЦК КПСС. В ответ на мои "происки" начальник спортсектора отдела пропаганды ЦК "сам товарищ Гончаров" заклеймил мою работу на высоком издательском совещании, а его заместитель Рогатин повелел Госкомспорту обсудить мою книжку. Сценарий подобных "обсуджений" отработан был давно и безотказно служил для разгрома журналов и книг, не моей чета. Да только вот члены президиума Федерации самбо СССР доказали, что они были смелыми не только на борцовском ковре, и почти единодушно дали моей книжке, быть может, и не вполне заслуженную, весьма высокую оценку. Взбесившаяся партократическая свора, разумеется, не могла не отомстить за такое "возмутительное" неповиновение. И главному тренеру сборной страны С.Ф.Ионову, который опубликовал положительную рецензию на мою работу, влепили строгий партийный выговор "с занесением". Вот так трудно пробивались ростки подлинной, правдивой истории самбо сквозь глухой цемент угодной верхам традиционной официальной лжи...

Обратимся, однако, к биографии выдающегося специалиста и человека необыкновенной, интереснейшей судьбы - Василия Сергеевича Ощепкова.

...В самом конце морозного, с пронизывающим ветром, декабря 1892 года в поселке Александровский пост, на каторжном Сахалине, у арестантки - крестьянской вдовы - Марии Ощепковой родился сын.

По всем канонам тех далеких лет младенца, входящего в жизнь с двойным клеймом отверженного - незаконнорожденный и сын каторжанки - ждала незавидная судьба. В довершении всех своих бед уже в одиннадцать лет мальчик осиротел. Но несколько лет спустя жизненный путь сироты счастливо пересекся со светлой, благородной дорогой замечательного человека - архиепископа Японского, Преосвященного Николая.

Отец Николай сумел создать в Японии несколько учебных заведений. В одно из них - духовную семинарию в Киото - и попал четырнадцатилетний сирота Вася Ощепков.

Широта взглядов архиепископа проявилась и в том, что в семинарии для желающих преподавались даже основы борьбы дзюдо, всего лишь двадцать пять лет назад созданной знаменитым теперь педагогом Дзигаро Кано. Василий с головой окунулся в эту новую для себя увлекательную стихию.

В архивах Кодокана до наших дней сохранилась запись о поступлении туда Василия Ощепкова 29 октября 1911 года. Василий в полном объеме познал всю суровую школу дзюдо тех лет. Он не только успешно закончил это весьма своеобразное учебное заведение, но и стал после этого претендовать на получение мастерского звания. И всего лишь полгода потребовалось ему для того, чтобы завоевать право подпоясать свое кимоно черным мастерским поясом. Японцы необычайно ревностно относились тогда к присуждению мастерских степеней - данов, и особенно иностранцам. Ощепков стал первым русским и одним из всего лишь четверых европейцев, заслуживших в те годы первый дан. Забегая вперед следует сказать, что довольно скоро Василий снова предстал перед строгими экзаменаторами Кодокана, которые единодушно присвоили ему следующую, еще более высокую мастерскую ступень - второй дан.

Возвратившись на родину, Ощепков, знавший не только японский, но и английский язык, начал работать военным переводчиком. Совершенно естественно, что, оказавшись снова в России, именно он стал пионером дзюдо в нашей стране и щедро делился своими обширными познаниями с молодежью.

В 1917 году Василий решительно становится на сторону убежденных противников старого режима. Читатели, особенно молодые, напичканные современной лживой квазидемократической пропагандой, могут не понять, почему он с самого начала принял сторону революции. А дело в том, что наша "независимая" пресса, горько всхлипывая о "чудесной России, которую мы потеряли", почему-то забывает сказать, что при "восхитительном" царском режиме существовало законодательно закрепленное социальное, религиозное и национальное неравенство в правах, да и множество иных подобных прелестей. А Василий принадлежал к тому подавляющему большинству русского народа, которое познало все это на собственном горьком опыте...

Повествуя в своих прежних работах о последующих годах жихни Василия Сергеевича, я мог исходить лишь из рассказов его учеников, и невольно повторял их неизбежные ошибки. Неизбежные потому, что подлинные факты его деятельности тех лет были известны только сотрудникам нашей военной разведки. Но вот теперь благодаря пониманию и большой любезности руководящих чинов Главного разведывательного управления Генерального штаба (ГРУ) мне предоставили возможность ознакомиться с материалами, более семидесяти лет хранившимися в секретнейшем архиве. И два личных дела Ощепкова документально расставили все по своим местам, не оставив уже никаких сомнений.

Он все еще продолжал преподавать дзюдо, но в годы японской оккупации Дальнего Востока был призван в колчаковскую армию и в качестве специалиста, свободно владеющего языком, откомандирован в японское Управление военно-полевых сообщений. Именно с этого времени начинается его сотрудничество с большевистским подпольем.

И снова мне приходится объяснять ситуацию. Ощепков не разделял коммунистической идеологии и членом партии никогда не был. Даже несколько лет спустя служебная характеристика Разведупра определяет его взгляды как "сменовеховские" ("Сменовеховцами" именовали ту часть белой эминграции, которая, издавая журнал "Смена вех", настаивала на сближении с Советской Россией). Но он был убежденным русским патриотом и слишком хорошо понимал истинные планы интервентов, лживо замаскированные благими миротворческими заявлениями. Василий любил замечательную древнюю японскую

культуру, трудолюбивый талантливый японский народ, но, вместе с тем, изнутри познал и ненавидел кровавые повадки и давнюю антирусскую устремленность агрессивного японского милитаризма. Беспардонная интервенция возмущала и до глубины души оскорбляла его. Это и определило его выбор, только и возможный для подлинного патриота. Ведь единственной силой, реально противостоящей оккупантам, являлись большевики. Белогвардейцы же изо всех сил старались сотрудничать с японцами. Вот почему хорошо зная, как "разделывают" подследственных заплечных дел мастера в японской жандармерии, Василий, тем не менее, шел на огромный риск и сотрудничал с красным подпольем. Служил не партии, а только лишь своей родной, униженной и ограбленной России. Через его руки проходили секретные документы, все они становились известны антияпонскому подполью. И будет справедливым сказать, что в общем деле освобождения российского Дальнего Востока была доля и его героического и столь опасного труда.

Когда же оккупанты убрались восвояси, он отправился на Сахалин, в свой родной Александровск. Купил кинопроектор и стал зарабатывать на жизнь демонстрируя фильмы. Принадлежащий России Северный Сахалин все еще оставался оккупированным, и вскоре теперь уже советская военная разведка попросила его давать сведения о японском воинском контингенте, дислоцированном на острове. Василий не раздумывая согласился. Наглухо отрезанный от советской действительности, он заведомо идеализировал советскую власть. Видел в ней не только носительницу народной справедливости, но и твердую защитницу российских интересов на Дальнем Востоке.

Я читал его разведывательные донесения, и не мог не восхититься их удивительной исчерпывающей полнотой, сравнимой разве что с тем, чем располагало само японское командование. Начиная с полных биографий высшего и старшего командного состава (происхождение, семейное положение, образование, прохождение службы, участие в военных кампаниях, награды и т.п.) и кончая точной численностью и вооруженностью гарнизонов даже небольших населенных пунктов; от солдатских настроений и до чисто экономических сведений о хищнической эксплуатации оккупантами природных богатств острова. Обрадованное столь ценным источником информации, командование просило теперь давать сведения о Южном Сахалине, отошедшем к Японии еще в результате войны 1904-05 годов и являющемся "иностранной" территорией. Но разведчик выдвинул встречное предложение: перебраться не на Южный Сахалин, а в саму Японию и поставлять сведения непосредственно оттуда. Это, однако, требовало значительных валютных затрат, и нищий в те годы Разведупр очень долго колебался, прежде чем принял это заманчивое многообещающее предложение. Но в конце-концов в японской столице все-таки развернул свою деятельность бывший подданный бывшей Российской империи, кинобизнесмен, не имевший никакого отношения к Советскому Союзу. Такой статус давал Ощепкову значительные преимущества, но вовсе не избавлял от традиционной японской пристальной полицейской слежки. Поражает, как, не имея никакой специальной подготовки, этот талантливый "самоучка" разработал безукоризненную профессиональную стратегию. С умной осторожностью нарабатывал он необходимые связи в столичном обществе. Поставлявшаяся им информация в основном оценивается в СССР как "ценная" и "очень ценная". Но в те начальные годы дальневосточный Разведупр еще не обладал ни достаточно квалифицированным руководством, ни необходимыми материальными средствами. И от разведчика все более категорично начинают требовать всего сразу и без особых валютных затрат. Постоянно понукают и требуют, чтобы он

начал вести самую примитивную игру: давал деньги под расписку, а затем шантажировал получателя. А кроме того, немедленно установил контакты с прокоммунистически настроенными лицами. Отлично знающий местные условия, резидент терпеливо старается объяснить им, что весьма патриотично настроенные японцы при первой же попытке шантажа сейчас же обратятся в полицию. А все "левые" находятся под неусыпным наблюдением полиции и поспешный контакт с ними обречен на провал. Но в 1926 году недалекое начальство, крайне возмущенное нежеланием подчиненного выполнять их губительные указания, приказывает ему выехать в Советский Союз. Так, безвременно, но вовсе не по его вине, закончилась уже налаженная и дававшая неплохие плоды разведывательная работа Ощепкова, славного предтечи Героя Советского СОюза Рихарда Зорге...

А возвратившись во Владивосток, бывший резидент, конечно же, снова обратился к своей любимой спортивной деятельности и начал вести занятия с учениками нового поколения.

Вскоре Ощепков переехал в Новосибирск. Он навсегда покинул Дальний Восток. Приказом Реввоенсовета СССР был назначен военным переводчиком в один из отделов штаба Сибирского военного округа. Василий Сергеевич слыл блестящим знатоком весьма сложного для европейцев японского языка. С ним, бывало, консультировались даже крупные специалисты. И все-таки борьба и самозащита уже составляли один из наиболее важных, если не самый важный интерес в его жизни. И разумеется, оказавшись на новом месте жительства, он сразу же стал и там пропагандировать свою науку самозащиты, особенно важную в военной среде.

Дальнейшая судьба развития искусства самозащиты, а в конечном счете и борьбы самбо оказалась в руках Бориса Сергеевича Кальпуса. Были это надежные и сильные руки. Старый спортсмен, он имел генеральское звание - комкор - и занимал должность заместителя инспектора вневойсковой и физической подготовки Красной Армии. Узнав о деятельности Ощепкова в Новосибирских военных и динамовских организациях, он сразу же и безошибочно оценил ее потенциально важную роль в совершенствовании армейского рукопашного боя. И Василий Сергеевич получил приглашение в Москву. В конце 1929 года были организованы курсы для начальствующего состава московского гарнизона с целью подготовки к организации обучения рукопашному бою по новому, готовящемуся к выпуску руководству. В программу вошли приемы самозащиты, обезоруживания, а руководителем курсов стал Василий Сергеевич.

Конечно же, не мог он не принимать деятельного участия и в разработке самого этого руководства. А когда вскоре оно вышло в свет, на его страницах можно было увилеть и иллюстрации, и описания безотказных ощепковских приемов. При этом Василий Сергеевич не ограничивался только теорией, но, приняв участие в соревнованиях по рукопашному бою, занял там первое место.

Тогда же в самом начале тридцатых годов был учрежден наш знаменитый физкультурный комплекс, получивший недвусмысленное название "Готов к труду и обороне". В качестве одной из норм ГТО второй ступени были введены приемы самозащиты и обезоруживания не только для мужчин, но даже для женщин. Разрабатывать эту норму довелось не кому-либо иному, как Ощепкову.

Современная борьба самбо, хотя и обрела со временем название, которым пользовался Спиридонов, главным образом вырастала из того, что было сделано именно Ощепковым.

Как же рождался этот новый наш вид спортивной борьбы? Василий Сергеевич отлично знал дзюдо и понимал все его

несомненные достоинства. Но, в отличие от множества других - зарубежных - адептов этой японской системы, столь же отчетливо видел и ее серьезные недочеты. И, к его чести, он отнюдь не был всего лишь робким учеником японцев, этаким ортодоксальным копиистом, боявшимся даже подумать о том, чтобы сломать "священные" каноны дзюдо, установленные некогда самим Дзигаро Кано. Ощепков вовсе не собирался ограничиваться только тем, что уже было сделано в Японии. Он всеми силами старался создать эффективно модернизированную систему прикладной борьбы и самозащиты, которая должна была превосходить любую иную, в том числе и японскую. Наиболее важное значение для формирования нового вида борьбы имело создание технического, а в связи с ним и тактического его арсенала. Сам Ощепков немало раздумывал над этим вопросом, отводя ему едва ли не решающую роль. Он специально указывал, что борьбу следует не просто пассивно изучать, "но и добиться применения ее в деле укрепления обороноспособности нашей страны, обогатив ее нашими достижениями в смысле методики ее изучения и техники выполнения ее приемов".

Ощепков без всяких колебаний отбрасывал многие "антикварные ценности" дзюдо и решительно обновлял технику. На место безнадежно устаревших приходили новые, действенные приемы. Он проанализировал все существовавшие тогда международные спортивные единоборства, китайское ушу и целый ряд национальных видов борьбы с точки зрения применимости их техники в боевой схватке. В орбите его пристального внимания оказались не только удары ушу, английского и французского бокса, но еще приемы "финско-французской", а также целого ряда иных видов борьбы, которые Василий Сергеевич именовал "вольной": вольно-американской, швейцарской, кавказской и персидской. Он специально отметил, что некоторые приемы и особенно броски всех этих видов "вольной" борьбы могут с успехом применяться и в целях самозащиты.

В принципе Ощепков проделал ту же самую эволюцию, что и Спиридонов, но на более высоком уровне: познав японскую систему, понял, что можно и нужно создать еше более совершенную, но уже интернационального характера, а это, несомненно, открывало значительно более широкие горизонты. Его работа стала новым и более высоким витком в поступательном развитии нового прикладного вида борьбы.

В недоброй памяти 1937-м по всей стране гуляла зловещая круговерть ночных арестов. В первую очередь подозревались те, кто побывал за границей, а Ощепков имел несчастье принадлежать к этой категории. В ночь на первое октября он был арестован и всего десять дней спустя скончался в камере Бутырской тюрьмы. Этот замечательный человек и выдающийся специалист ушел из жизни сорока четырех лет от роду, в расцвете творческих сил...

Годы войны убедительно доказали, что Василию Сергеевичу, несмотря на преждевременную смерть, удалось успешно выполнить свою задачу и заложить основы боевой системы, превосходящей японскую.

Уже ушедший из жизни, ославленный как государственный преступник, Ощепков тем не менее вносил свой вклад в дело борьбы с нашим смертельным врагом. Старого мастера не было в живых, но его безотказные приемы служили верную службу, сокрушая в беспощадных рукопашных схватках и гитлеровцев, и японских самураев...

В послевоенном самбо бесспорным лидером стал ощепковский ученик второго поколения Анатолий Харлампиев. Самый деятельный из учеников, но не самый добросовестный. Было бы нечестно отрицать его несомненные большие заслуги, но нельзя

умолчать и о том, что, воспользовавшись арестом своего учителя, он стал выдавать себя за создателя самбо. Его высокие профессиональные качества, к сожалению, не равнялись чисто человеческим. И он не сказал правды даже тогда, когда его погибший в сталинском застенке учитель был уже полностью реабилитирован. Так что мне потребовалось немало лет и большие усилия, чтобы, наконец, докопаться до истины и восстановить законное и совершенно бесспорное авторство Василия Сергеевича. И мне очень хотелось бы надеяться, что в 1998-м юбилейном для самбо году, наряду с харлампиевским мемориалом, начнут проводиться и международные состязания памяти его учителя. А, кроме того, земляки Василия Сергеевича - дальневосточники - установят мемориальную доску на здании бывшего общества "Спорт", которое стало колыбелью не только российского дзюдо, но и нашего самбо.